

18+

Нина Русанова

УБАНГА МБОНГО

Рассказы о детях, стихи

Нина Русанова
УБАНГА МБОНГО.
Рассказы о детях, стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43619005

ISBN 9785005022943

Аннотация

Книга о будущих взрослых для вчерашних детей. Её герои живут в разное время, в разных странах, мирах, говорят на разных языках. Кто они, наши дети? Как давно мы сами были детьми? Удалось ли нам повзрослеть? Кем и какими мы стали? Что приобрели, а что утратили безвозвратно? Ответы – в тонких, искренних, глубоко психологичных зарисовках. Весёлые, ироничные, грустные, щемящие – все они написаны с большой любовью к детям и их родителям, отмечены жюри престижных конкурсов и уже полюбились читателям.

Содержание

Мадонна	5
Купанье	8
Саша и волк. Страшная песня	10
«В тёмном небе Луна...»	14
За спичками	15
Супергерой	22
Петунья и магнолия	23
Простая истина	31
Колёсико	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

УБАНГА МБОНГО

Рассказы о детях, стихи

Нина Русанова

Светлана Данилина *Корректор*

© Нина Русанова, 2019

ISBN 978-5-0050-2294-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мадонна

В детстве репродукция этой картины, вырезанная из какого-то журнала, лежала у отца на письменном столе под стеклом.

– Дети, посмотрите, это ваша мать, – часто говорил нам папа, указывая, как я тогда думала, на большую цветную фотографию.

И потом, когда стол перекочевал из комнаты родителей в детскую и я уже знала, что это не просто фотография, а фотография картины, папа тоже любил повторять что-то вроде: «...А это ты у мамы на ручках...» или «Дети, ваша мама – мадонна».

Надо ли говорить о том, что я выросла в этой непоколебимой уверенности и даже вере в то, что – да, это я у мамы на ручках.

Всё логично: мама искупала меня и, завернув в полотенце, выносит из ванной. Как, собственно, всегда и бывало.

Да и внешнее сходство имелось: мамины тонкие черты лица, мамины тёмные волосы, длинные – в молодости у мамы они были именно такими.

Халат, правда, не мамин: красный и синий – вообще не её цвета, но вот художнику захотелось изобразить маму именно в такой гамме.

А полотенце – большое коричневое – папино, тут всё пра-

вильно.

По левую руку от мамы сидит моя тётя Галя, конечно же, – сходство и тут не вызывало сомнений.

По правую... ну да, стоит какой-то дедушка. Чужой, не наш. Просто персонаж какой-то. Могут же быть на картине и другие персонажи? Вон там и ангелочки внизу пририсованы – для красоты.

Про мыльные пузыри на заднем плане и про похожую на облака белую пену под ногами у мамы я вообще молчу.

А пухлый младенец у неё на руках – это я и есть, один в один, поскольку лет до двух я вовсе не была худышкой, а была очень даже упитанной девочкой. И больше даже походила на мальчика. «Пока мы тебя в сад не отдали», – тут уже маму цитирую.

Каким же страшным было моё разочарование, когда старшая сестра нанесла сокрушительный удар по этой моей наивной и светлой убеждённости, вероломно заявив, что на картине с мамой вовсе не я! Услышав это, я аж задохнулась: как это – «не я»?!

– Это не ты ая, – пояснила она. – И всегда была я. Потому что я родилась раньше.

И не поспоришь.

И целый мой мир, один из них, самый первый, сорвался и рухнул, точно стеклянный шар с еловой ветки.

Почему вдруг вспомнилось? А это я искала иллюстрацию к «Купанью» – задала параметры поиска: «мать с младенцем

на руках живопись» – вот и выскочило. Именно это: «Сикстинская мадонна» Рафаэля – ни много ни мало.

А именно это потому, что у моей мамы в тот, следующий после Крещенья день, день рождения.

И на ручках у неё, конечно же, я – потому что у Ольки тёмные волосы, а у меня – светлые!

А раз светлые – значит, я!

Купанье

*Не Бог, не Пророчица – мама.
Но истинно вам говорю:
Небесную сладкую манну —
Я манную кашку варю.
А после, хоть он и упрямый,
За это ведь тоже люблю,
В голубенькой ванночке, в ванной —
Купанье в воде Иордана —
Я чадо своё окроплю.
Зачем нам крутые морозы
И горечь воды ледяной?
У нас и без этого слёзы!
– Но мы их осушим, родной,
Махровым большим полотенцем.
И вот уж не плачем, молчим.
Сухое и чистое тельце
В пижамку сейчас облачим...
И пахнувший тёплым печеньем
Доволен и сладок мальши.
– А знаешь, сегодня Крещение...
Но ты уже, кажется, спишь:
Сопишь своим крошечным носом
И чмокаешь розовым ртом...
И светят на коврике звёзды —
То вышивка мелким крестом.*

*И тоненький локон за ушком,
И теплится светом ночник,
На облачке белой подушки
Покоится ангельский лик.
И «бог», и «пророчица».
Мама.*

Саша и волк. Страшная песня

Саша бузит.

Только что пришёл с прогулки.

Ввалился и – свалился, плюхнулся на свой стульчик в прихожей.

Сидит и не даёт себя раздевать-разувать. Никому.

Буянит: кричит и яростно отбивается, так что старенький, мамин ещё, детский стульчик ходит под ним ходуном и, скрипя и скребясь о стену и о паркет, взывает к ним то возмущённо, то жалобно. Размахивая во все стороны ногами, обутыми в серые с чёрными колошами валенки, насколько хватает сил и ног (а только на это их сейчас и хватает), Саша лупит, колотит по полу. Получается здорово.

«Слава богу, – думают взрослые, – что для паркета совершенно безвредно». Но зато громко и гулко. А если совсем близко подойти, то ещё и больно. *это*

Метод устрашения действует безотказно. Никто уже – ни мама, ни папа, ни бабушка – не знает, с какого боку к этому ребёнку подступиться, как к нему хотя бы приблизиться, не то что валенки с ног стянуть. Да и штаны хорошо бы – ведь по колено... да какое там! – по самую попу мокрые. А попробуй-ка сними, хоть они и на молнии: толстые, с «грудкой», на бретельках – это же комбинезон, ! Или даже (водолаза). Еле успели, пока шёл к стулу, расстегнуть и стащить с маль-

чика шубу и вязаную шапку-шлем. Тяжёлые от воды варежки сами упали с Сашиных рук ещё в подъезде. *кафандл кацманашта валадаза*

Щёки красные, глаза горят, волосы на голове совершенно мокрые и на макушке всклокоченные.

Нагулялся, укатался до такой степени, что сам уже не знает, чего хочет:

– ! *Ни катю́ дамо́й*

– ! *Ку́сать ни катю́*

– ! (купаться) *Ни катю́ пуня́та*

– ! (спать) *Ни катю́ пать*

А дальше уже просто:

– А-а-а-а-а!

А взрослым, ой, как непросто... «О-о-о-о-о...» – только и остаётся сказать.

– А ну-ка... А вот я сейчас спою ему эту «страшную песню», про серого волчка, – неожиданно находится дедушка.

Все в недоумении: «Какой ещё „волчок“? Ну ты, дедушка, даёшь... Ребёнок голодный!..» – однако сразу же соглашаются, потому как другие, уже опробованные, педагогические (и даже те, что «не очень») приёмы, а также совсем уже не педагогичные хитрости (и даже угрозы) не дали абсолютно никакого результата. Не считая разве того, что Сашини крики стали ещё громче, а удары ног о пол – ещё ожесточённое. И тоже громче.

Дедушка садится перед Сашей на корточки (калоши поче-

му-то сразу же перестают колошматить), протягивает к нему руки и низким голосом тихо заводит:

– Баю-баюшки-баю...

Саша без единого звука... встаёт со стульчика... с большим трудом... (– гравитация!) делает два шага навстречу деду и... – падает (сила гравитации особенно велика в этот момент!) в его объятия. *кацманафт*

Дедушка большой, тёплый и добрый, и байковая рубашка в клеточку на нём сухая; а Саша маленький, горячий и мокрый. И очень устал.

Продолжая (уже без слов) петь, а вернее мычать, свой «утробно-загробный» мотив, дед с Сашей на руках осторожно поднимается и, медленно покачивая его, идёт по коридору в сторону детской.

Мама бежит за ними на цыпочках, догоняет и знаками объясняет, что неплохо бы снять с ребёнка тяжёлые валенки: у того ноги уже болтаются, как у тряпичной куклы, и валенки в калошах – клоц-клоц, бум-бум – стучаются друг о друга. Ещё, чего доброго, разбудят...

– Уйди. Потом снимешь, – одним лицом, бровями, говорит дед. Руки-то заняты, а голосом он продолжает всё так же «страшно» петь.

Действительно, валенки и штаны потом можно снять.

Как хорошо, что на Саше, под , – не (рубашка), не (свитерок) с высоким и узким горлом, а верх от ! Удобно и нежарко. И низ – от неё же – вместо (колготок). Утром после завтрака

еле удалось одеть и вывести этого мальчика на улицу: «!...!»
Так и выволокли – в пижаме, надев поверх неё комбинезон
и шубу. *кафандлом лубаска фитылок пивамы кавоток Ни
катио́ на голку Ни катио́ на санки*

Точно так же, как пришла, на цыпочках и словно по струнке,
мама уходит, ретируется на кухню, где её за закрытой
дверью и за накрытым столом тихо-тихо, как мышки, сидят
и ждут такие же «приструнённые» Сашей «цыпочки» – папа
и бабушка. Счастливые уже от одного только предвкушения
обеда в тишине.

Условный рефлекс на «страшную песню» сработал.
«Саша и Волк».

Почти по Прокофьеву.

Или по Павлову?

Или по Сухомлинскому, Ушинскому, Песталоцци, Мон-
тессори и Споку?

Или в полном противоречии с ними? То есть с их теорией.
Или – с теори?... *ями*

Неважно. Важно, что ребёнок уже спок... то есть спит.

«В тёмном небе Луна...»

*В тёмном небе Луна
Плакала безутешно:
Всё одна да одна —
Некому ей, сердешной,*

*Слёзы с лица смахнуть,
Нос утереть платочком...
Всё не могла уснуть,
Плакала ночь за ночью.*

*Может быть, в темноте
Тоже хотела к маме?
Капали слёзы те
Крупными жемчугами...*

*Пали они на дно,
Море их приютило
И для тебя одной
В раковине хранило.*

За спичками

*Ой, напрасно, тётя,
Вы так слёзы льёте,
Муж ваш – редкий семьянин!
Л. П. Дербенёв «Не волнуйтесь, тётя!»¹*

Анаид – девочка очень красивая.

Голубые глаза и тёмно-русые волосы, столь редкие для юга Испании, но довольно часто встречающиеся на севере этой страны, унаследовала она от своего папы Анхеля.

по-испански означает «ангел». Он и есть ангел – тихий и кроткий. Безотказный: что ни попросишь – всё сделает. По-северному, почти по-прибалтийски, спокойный, сдержанный, даже несколько флегматичный – словом, настоящий каталонец. Он лишь изредка ворчит на свою жену Диану, маму Анаид: *Ángel*

– Как это «не купила хлеба»? Ужинать без хлеба нельзя! – нарочито громким и низким голосом выговаривает, больше для виду, напоказ. А то, чего доброго, подумают, что эта девчонка его не слушается.

«Девчонка» намного младше него – и впрямь девчонка. «Тонкая и звонкая» – точёная, стремительная – ни дать ни взять юная богиня! У неё жаркий, тропический, темпера-

¹ Песня группы «Весёлые ребята» на музыку В. Г. Добрынина.

мент. Говорит высоким голосом – быстро, громко, непрерывно жестикулируя; заливисто смеётся, выразительно хмурится и то и дело встряхивает пышной гривой выющихся тёмно-каштановых волос.

И характер у неё завидный, и с самооценкой всё в порядке – с детства привыкла бороться и добиваться всего, чего ни пожелает. Диана-охотница приехала в Каталонию с Кубы.

От матери у Анаид характер охотницы и замашки, если не юной богини, то как минимум «королевишны». А от отца – терпение и внешнее спокойствие. Так-то оно для охотницы, пожалуй, даже и лучше. Словом, хороший получился сплав. Интересный.

И надо же такому случиться! На ловца, как говорится, и зверь. Бывают же такие совпадения в жизни: у Анаид в группе тоже есть свой Анхель! Ну просто редкая удача, редчайшая! Ведь имя Анхель (или Анджел, если по-каталонски) уже успело стать в Испании редким. Маленьких мальчиков почему-то теперь так не называют. Перевелись ангелы в земле испанской? Вышли из моды?

И у него, у этого второго Анхеля, – подумать только! – у него, как и у папы Анаид, русые волосы – правда, не прямые, а выющиеся, но это даже хорошо, это даже ещё лучше! И светлые глаза – правда, не голубые, а зелёные, но это тоже очень красиво! И он тоже застенчивый, робкий. И лучше всех в группе себя ведёт, и учится лучше всех. Да-да, именно учится – в Испании дети начинают учиться прямо с дет-

ского сада.

Иными словами, Анхель во всех отношениях положительный герой, ну чистый ангел! Да ещё вдобавок и самый высокий из всех. Как повезло Анаид!

«И Анхелю, между прочим, тоже повезло. Ведь далеко не каждому выпадает счастье подружиться с такой умницей и красавицей, как я», – уверена девочка.

Она уже представляет себе, как будут они теперь, все вчетвером – мама, папа и она с женихом (или даже с мужем) – как в зеркале: Диана и Анхель – Анхель и Анаид – почти полным, почти дословным отражением друг друга! Ведь Анаид – это та же Диана, только наоборот: Диана – анаид. Мама специально её так назвала, сама придумала ей это имя – в честь себя. Вот и будут они теперь жить – все вместе – в полной гармонии, в любви и согласии.

Анаид любит играть. Но не с девочками и не в «дочки-матери», а с мальчиками – в «семью». Для этого она выносит из дома кукол, а также посудку, одежду и коляски для них. А для «взрослых», для себя и для «папы», – одеяльце. Байковое, маленькое, совсем детское – то самое, которым Анаид укрывала мама, когда девочка была ещё совсем крохой и её саму возили в коляске.

Анаид очень, очень умная. И очень заботливая. И очень хозяйственная девочка – и это тоже у неё от мамы. И очень основательная – это от папы. Она настолько серьёзна в своих намерениях и настолько положительна во всех своих дей-

ствиях, что ни у кого – ни у окружающих, ни тем более у неё самой – даже мысли не возникает о том, что она делает что-то неправильно, не так. Поэтому, когда она предложила Анхелю поиграть... да нет, даже не предложила, а просто взяла его за руку и привела «домой» – на лавочку возле детской площадки – он не воспротивился, не удивился, а воспринял это как должное. Стал играть, послушно исполняя все свои «семейные» обязанности: ходил «на работу», нянчил «детей», гулял с ними, помогал «по дому».

И сама Анаид, даром что «королевишна», а тоже трудилась в поте лица. Шутка ли! Ведь это сколько всего надо успеть: куклы... то есть дети!.. их коляски, кастрюльки, компотики, кашки... муж!..

Но вот наконец «молодая мама» накормила «детей» и вернувшегося «с работы» «мужа», уложила «малышей» спать, переделала все свои «домашние дела». Теперь можно и отдохнуть. Она уселась на лавочку сама, усадила – «уложила» – рядом с собой молодого «супруга», заботливо накрыла детским одеяльцем его и свои ножки (выше одеяльце просто не натягивалось), высоким, как у матери, и потому почти кукольным голоском ласково пожелала Анхелю спокойной ночи: «», – наказала ему закрыть глаза и «спать». И пока счастливец старательно зажмурился, красавица положила ему на плечо свою прелестную русую головку с длиннющей толстой косой и тоже закрыла глаза. *Que sueños con los angelitos*²

² *Que sueños con los angelitos (исп.) – Сладких снов (букв. – Пусть тебе приснятся*

Правда, счастье их оказалось недолгим – «спать» Анхелю вскорости наскучило: вначале-то он спокойно «лежал», потом стал ворочаться... а потом и вовсе болтать начал – мешать «спать»!

И вот наконец, скинув с себя одеяльце, незадачливый «супруг» сбежал. В прямом и самом что ни на есть полном смысле этого слова: убежал – просто так – бегом. Играть с мальчишками. В футбол.

Повздыхав не столько расстроено, сколько разочарованно, недовольно, Анаид молча собрала весь свой «домашний скарб» и отправилась играть к девочкам.

Однако надежды на устройство своего «женского счастья» терять не стала.

На следующий день её выбор пал на Даниэля: у него тоже русые волосы и он тоже высок. Глаза тёмно-карие – это тоже красиво. «Мои женихи должны быть самыми красивыми!» – считает Анаид. Она так решила. А Даниэль – красивый мальчик. И имя у него тоже красивое. И тоже вполне ангельское, даже ангельское, как объяснила ей мама, а это во много раз лучше, чем просто ангельское. И кажется, он тоже очень спокойный, как и её папа. Во всяком случае, немногословный. Это редкая удача. А то Анхель в последнее время стал как-то уж очень болтлив. И неусидчив. Даже воспитательница на него жалуется. *арх*

А ещё... А ещё этот самый Даниэль, он ведь как раз с Ан-

хелем дружит! Да он с ним... да они с ним лучшие друзья! И это тоже – редкая удача! Вот и пусть Анхель всё узнает! Пусть увидит, он потерял! Теперь, когда он остался один – не только без «семьи», но и без друга – лучшего своего! – на всё время их вечерней прогулки. А может быть, даже и не одной прогулки, а нескольких. А может быть, даже надолго – даже навсегда. Вот и пусть смотрит на Даниэля с Анаид!.. На Анаид с Даниэлем: на то, как хорошо им вдвоём! Вот. *что*

И снова потекла размеренная и счастливая «семейная жизнь». И снова куклы, коляски, кастрюльки, компотики, каши... И снова одеяльце.

И Даниэль...

Нет, не сбежал. «Проснулся» и мужественно играл дальше. Кастрюльки, коляски, куклы... И снова «спать», и снова «вставать», и снова «на работу»... И снова «кормить-укладывать»... И так долго играли они. Причём новый «муж» ни разу не проявил недовольства – ни по какому поводу, – ни разу не запротестовал.

А в один прекрасный «день», вернее в один прекрасный момент, он даже вызвался! – сам! – «сходить в магазин». «За продуктами». Радости Анаид не было предела, хоть она и старалась особенно её не выказывать. Но голубые глаза её – сверкали! Круглое гладкое личико светилось тщательно сдерживаемым торжеством. Она знала себе цену! И на этот раз правильный сделала выбор. Достойный. Не ошиблась.

Уж теперь-то всё должно получиться. Всё обязательно получится. Уже получилось! Даниэль – именно тот человек, который ей нужен.

С лёгким сердцем отправила юная «хозяйюшка» «супруга» своего «в магазин». И даже «денег» ему с собой дала. Кукольных, разумеется. Игрушечных. Проводила, села на лавочку, сложила на коленках ручки и стала ждать.³

А он ушёл... да так «домой» и не вернулся.

Никогда.

³ «За спичками» – комедия Л. И. Гайдая, экранизация повести М. Лассила в переводе М. М. Зощенко.

Супергерой

*Беспокойное веретенец!
Ты же мал ещё, просто мал.
Запелёнутый в полотенце,
Ты от бабушки ускакал;*

*Ты от дедушки укатился;
Не купился на мой обман;
Закрутился, поворотился...
Просто вылитый Акваман!⁴*

*И – давай! И давай носиться!
Босиком! По траве сырой!..
Извозился – и снова мыться.
Супермаленький мой герой!*

⁴ Особенности испанского произношения слова *Aquaman* (англ.).

Петуния и магнолия

Где и как Олеся познакомилась со своим мужем, история умалчивает. «Места надо знать», – не то в шутку, не то всерьёз неизменно отвечала главная героиня.

Началом их совместной истории принято считать Олесин переезд из подмосковного Лыткарина (наверное, это и есть то самое «место», одно из них) в очаровательный городок, а точнее, в деревушку Паломарес, что под Севильей, беленькую и опрятную («дыру эту», «чёртово пекло»), с последующим, «как у всех нормальных людей», бракосочетанием.

Правда, ему, бракосочетанию этому, предшествовал бракоразводный процесс мужа с прежней супругой, раздел имущества и серия каких-то скандалов... или всего один, но большой и затяжной... неважно. Важно, что Олеся и Хосе (или Хоска, как теперь называла его супруга) поженились-таки, стали жить-поживать и добра наживать. А наживать его было нужно, просто необходимо, так как почти всё ранее нажитое Хоской-Хосе добро ему пришлось оставить бывшей жене и их общим детям. Да ещё и выплачивать ей, той жене, ежемесячное содержание. Поэтому, собственно, и

Севильей, а не в ней самой. Олеся, однако, не работала, сидела дома. Вернее, занималась хозяйством. «Языка-то» ведь она не знала тогда – не успела ещё выучить. *под*

Справедливости ради стоит заметить, что жили Хоска

с Олесей счастливо, хорошо жили. Муж в Олесе души не чаял – запал мужик. Или попал. Или даже пал. Да, «любовь зла». *про*

Жили они жили, и родила Олеся своему Хоске дочку: маленькую, беленькую, и, что самое удивительное, спокойную. Совсем на свою маму непохожую. Олеся была рослой, дородной, смуглой, темноволосой и темноглазой, «бровями союзной» – настоящей украинской (вы спросите меня, как же она тогда оказалась в подмосковном Лыткарине? а вот не знаю, история и об этом умалчивает – да «как все», наверное) красавицей и к тому же чрезвычайно темпераментной особой. А дочка Олесина пошла, видимо, в отца: по его собственным (а вернее, по Олесиным) словам, в детстве он был «белобрысым».

Девочку называли Бланкой. по-испански значит «белая». На юге Испании это имя встречается довольно часто. Только почему-то на этом самом юге из девочек по имени Бланка вырастают обычно дебелие носатые барышни с кучерявыми жёсткими волосами цвета воронова крыла и чёрным пухом над верхней губой, с которым они потом всю свою жизнь борются. Равно как и с кучерявой жёсткостью волос. Более или менее успешно. *Blanca*

А наша (вернее, Олесина и Хоскина) Бланка, даже подрастая, оставалась самой что ни на есть настоящей Бланкой: белокожей, светлоглазой и светловолосой, тоненькой и нежной, чрезвычайно чувствительной, послушной, шёлковой –

да что и говорить! – хорошей девочкой. Просто на удивление. В минуты возвышенных грёз (а такие бывали) мать пела ей грудным голосом: «» А в обычной жизни звала её просто – Мышулькой. Маленькая потому что. И незаметная. Не мама, разумеется, Бланка. *Una paloma blanca...*⁵

Странно мне было видеть их, всех вместе: щуплого, измождённого возрастом, жарой и попытками-пытками заново нажать своё безвозвратно утраченное молодое добро, седого (когда-то «белобрысого», но теперь-то уже как проверишь?) Хоску; статную, полную, загорелую, почти шоколадную, Олеся, которая «язык-то» выучила, но всё ещё не работала, сидела дома и занималась (теперь уже) воспитанием дочери, ну и хозяйством, само собой («куда ж оно денется?»); и крошечную, совсем ни на кого, кроме себя самой, не похожую и всегда прикинувшую, прильнувшую к матери, обхватившую её пышные тела молочными тонюсенькими, прозрачными почти, ручками, Бланку. Хосе звал её – «моя Белоснежка». А ещё – «моё пирожное с кремом», сладкая моя девочка... *mi Blancanieves mi pastelito de crema*

И когда Бланка произносила слово «мама», я всегда невольно вскидывалась: «Что, солнышко?...» – внутренне, конечно, мысленно, про себя.

Как-то раз, помню, что-то мы праздновали, сидели за столом всей нашей русской, как говорила Олеся, «кодлой» и «травили», что называется, анекдоты. Все уже наелись

⁵ *Una paloma blanca...* (исп.) – (Одна) белая голубка...

и напились, но стол продолжал ломиться от Олесиных солений-варений, салатов-винегретов и прочих «шуб», до чая с пирогами надо было ещё дожить, а до песен – допить. Хоска вместе со всеми ел, пил, почти ничего не понимал, но над шутками смеялся – за компанию. Бланка, годика три ей было, как всегда, тихонько рядышком крутилась: то у одного на коленях, то у другого, то под столом... Мышулька, что с неё взять.

И тут Олеся, в значительном уже подпитии, возьми да и расскажи анекдот. Привожу его полностью, благо он короткий:

– Пьяный мужик пытается объяснить жене, де ж это он так надрался, но никак не может вспомнить, как называется тот ресторан: «От как дерево это... Хочу ли я... могу ли я... говно ли я... А-а-а, магно-о-олия!!»

Взрыв хохота. Очень уж убедительно получилось.

И вдруг сквозь этот хохот слышится... и даже перекрывает его душераздирающий рёв: плачет Бланка. Не просто плачет – рыдает. Рот раскрыт буквально «как чемодан» (тоже Олесино выражение). И как, спрашивается, он помещался всё остальное время на маленьком этом, действительно мышулькином, лице?

Все «повскакали» со своих мест, засуетились, замельтешили, закудахтали: что? что такое? что случилось? кто обидел?...

Мать Мышульку сразу – на колени к себе:

– От горе ты моё! Та ты шо, Мышуль?! Спугалась?

И практически без паузы, без перехода:

– Та шо ж вы мне дитё пугаете?! – это уже «кодле», нам то есть. – От блин! От уроды! Та я ж вас просила потише ржать!

Враньё: сама же и ржала громче всех.

А Мышулька-Бланка держит маленькими белыми ладошками Олесино круглое загорелое и раскрасневшееся – огнедышащее! с пылающими чёрными глазами! (правда, слегка косящими уже) – лицо, смотрит на неё огромными, в половину худенького личика, и полными слёз глазищами и, этими самыми слезами буквально захлёбываясь, давясь, хватая ртом воздух, пытается что-то матери сказать:

– Ты... ты – не г.. гов... ну... у-у-уля-а-а-а... Ты – м... м... оя ма... ма... моч... ка-а-а-а!.. – и снова в рёв.

Еле удалось успокоить. Никак не получалось убедить девочку в том, что никто над мамой не смеётся (и не думал даже!) и сама она вовсе не считает себя «говнулей». Скорее, даже наоборот.

Почему-то запомнился этот эпизод.

Надо сказать, Олеся всегда была остра на язык, за словом в карман никогда не лезла. Вернее, она вообще редко задумывалась, что, кому и зачем говорит. Могла, например, за просто сказать дочери: «Та сядешь ты или нет, в конце концов?! От беспокойная жопа!» Или «От же ж зараза!» Или: «А ну, пердунья, вылазь оттудова!» Или просто: «От пердунья!» Даже любовно. Даже в восхищении.

Вариаций и комбинаций было множество – но ключевое слово всегда присутствовало, на то оно и ключевое.

И ребёнок, ничего, слушался. Привык, видимо... Есть же и в испанском, например, слово (самое это на букву «ж»). Ну «куло» и «куло». И (пердунья) тоже есть. Ну «педорра» и «педорра». Выйди на улицу, глянь, как говорится, на село – все так говорят. Ну говорят и говорят. Никто же от них, от слов этих, ещё не умер! А слово «зараза» – так и во все литературное. И по-испански, наверное, тоже что-нибудь в этом роде есть. *culo pedorra*

Сама же Бланка почему-то никогда так не говорила.

Впрочем, нет... было. При мне. Правда, один раз всего, но точно было. На детской площадке.

Какой-то круг деревянный на деревянном домике, вроде циферблата, но без стрелок, сам крутится – рукой нужно крутить его. Бланка залезла по лесенке в домик, крутит круг и спрашивает меня, тихонько так, вкрадчиво:

– (Лена, знаешь, что это?) *Lena ¿sabes qué es?*

И, не дожидаясь моего ответа (я, конечно же, «не знаю», что это, но уже собралась что-то такое «умное» придумать), Бланка, наивно и лукаво одновременно (мол, ты не знаешь – а я знаю!) победно, но всё-таки недоверчиво-проверяюще спросила-ответила:

– *¿Una mierda?*

«Дерьмо», то есть. («На палочке» или «собачье» – как вам больше нравится. Для литературности перевода.)

– Никогда больше так не говори. Поняла?

Молча кивает: поняла.

Не думаю, чтобы она знала тогда, что означает это слово... Хотя, про «говнулю» знала же... Или просто по контексту (конситуации) поняла? Догадалась? Что это что-то нехорошее, потенциально обидное для мамы.

Но, пожалуй, самое примечательное случилось, когда девочка подросла. Было ей лет двенадцать, и в разговоре с матерью (говорили, опять-таки, по-испански: русские дети в Испании в большинстве своём и по-русски-то не говорят, а если и говорят, то очень мало, бедно) Бланка вдруг распахнула на мать фиалковые свои глаза, внимательно так посмотрела и не то вопросительно, не то утвердительно изрекла:

– (Пердунья – это ведь цветок такой... Правда, мама?)
Pero perdunia es una flor... ¿Verdad, mama?

Видимо, по аналогии с петунией, по-испански очень похоже звучит: *petunia*...

Вот уж, воистину, цветок! Незамутнённое, не омрачённое никем и ничем сознание...

Да и создание – «чистейшей прелести чистейший образец». Бланка. Как есть Бланка. ⁶

Такие вот цветочки – дочери-матери. А мамы, конечно, «всякие важны». Никто и не спорит. ⁷

⁶ *Исполнились мои желания. Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона, / Чистейшей прелести чистейший образец. (А. С. Пушкин «Мадона»)*

⁷ *Мамы разные нужны. / Мамы всякие важны. (С. В. Михалков «А что у вас?»)*

Простая истина

*Былинка, ангел – истиной простою
Ошеломил средь этой синевы:
Я твоего мизинчика не стою,
Ни волоска с кудрявой головы.*

Колёсико

Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

Русская пословица

Весенний день сиял солнечной улыбкой и голубоглазым небом, дышал запахами цветущих вишни и барбариса, грешил окончанием последней четверти, близким летом, теплом и всем тем хорошим, что только может произойти весенним днём и близким летом, а также в жизни как таковой, особенно когда четверть (последняя!) скоро (скоро-скоро, вот уже совсем скоро!) закончится, а тебе одиннадцать лет, и на дворе весна, и вся жизнь впереди, и всё лето. И жизнь, как лето – такая же тёплая и солнечная, а лето, как жизнь – такое же бесконечное и...

И вообще!

И вообще – когда ты недавно нашёл колёсико! – необыкновенное! Замечательное совершенно колёсико: металлическое – золотисто-золотое, как солнце, и такое же... такое же круглое-бесконечное! Хотя это и так понятно – ведь колёсико же! – а колёсикам и положено быть круглыми. И бесконечными. Потому что никто ведь не знает, где у круга начало, а где конец.

По краям необыкновенного колёсика красовались, такие же, как у солнышка, малюсенькие «лучики» – зубчики,

а из центра по обе стороны торчал металлический стержень, но уже не золотой-золотистый, а тёмный.

«Наверное, это от каких-нибудь часов колёсико. Точно, от часов... – думал Гоша, идя по бульвару. – Кто-то потерял... вот дурак! А я нашёл».

Гоша представил себе кого-то, кто чинил, например, часы... разобрал их... потом собирать стал... и все детали правильно собрал, а колёсико – одно, но самое главное – самое-пресамое! – забыл! – вот разиня. И оно укатилось. И покатилося-покатилося... покатилося... И вот... катилось оно, катилось... катилось-катилось... И докатилось аж до помойки. Где навален мусор всякий – всё вперемешку: и луковая шелуха, и картофельные очистки, и тряпки грязные, и гнутые гвозди... и ещё бог знает что... и воняет ужасно.

И вот колёсико валялось... валялось-валялось... Валялось оно, валялось... Вокруг воняло, а колёсико валялось себе... – необыкновенное! абсолютно замечательное колёсико! И вдруг оно сверкнуло на солнце – неожиданно! – совершенно нежданно-негаданно сверкнуло! Но в то же время и так, будто всю жизнь лежало здесь и Гошу ждало: загадочно, призывно блеснуло! – маняще... Или это Гоша его, колёсико, ждал?... Да-да, наверное, так всё и было... И вот теперь наконец оба они нашлись.

Зажав нос двумя пальцами левой руки, Гоша подошёл к мусорным контейнерам и, двумя пальцами правой бережно взяв колёсико за металлический стержень, поднял его,

отошёл поскорее от помойки (ужасного этого места), чтобы искупать свою находку в сверкающей луже, оставшейся на дороге после моечной машины, проехавшей тем утром перед Гошиным домом.

Аккуратно держа колёсико за стерженёк, вымыл его, отёр полой курточки, а затем рукавом клетчатой рубашки и быстро спрятал в карман.

А то вдруг, не дай бог, хозяин («дурачина ты, простофиля!») опомнится да и прибежит на помойку – спасти своё сокровище! Нет уж. Теперь это будет Гошино колёсико. Теперь это будет... это будет... ⁸

Это будет его талисман!

А может, и наоборот – может, он из него чего-нибудь сделает... Чего-нибудь такого-эдакого... Ну, например, часы солнечные... И Гоше вспомнилось загадочное слово «гномон»... Он не знает толком, что оно значит, но что-то такое от солнечных часов точно. И немножечко на «гнома» похоже. Из сказки. Сказок, правда, Гоша уже не читает – что он, маленький, что ли, сказки читать? Это малышня пусть сказки читает! В детском саду. А он уж в пятый класс перешёл. Переходит. А солнечные часы – они и сами по себе как будто сказочные. Солнечные часы – это такая вещь бесконечная... как вечный двигатель. Для них ничего ведь не нужно: только круг и стерженёк какой-нибудь... ну или стрелочка там... – тень отбрасывать. И солнце нужно. И погода хоро-

⁸ Дурачина ты, простофиля! (А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»)

шая. А так – больше ничего. Ни тебе батареек, ни тебе розетки электрической, ни тебе вилки... Лежи себе на солнышке да и наблюдай за часиками... А хочешь – так и не наблюдай вовсе, а спи-отдыхай... ну или мечтай... А часы сами идут – вечные-бесконечное... солнечные...

Только нужно, чтобы лето было – желательно всегда. А то зимой и осенью погода плохая. Да и снегом их засыплет – часы-то. И не будешь знать, который час. «Счастливые часов не наблюдают», – любит говорить Гошина бабушка.⁹

«Только какое же это счастье, – думал Гоша, – когда зима, и холодно, и в школу надо ходить, а ты даже не можешь взглянуть на часы, когда тебе так важно знать, сколько же осталось до конца урока, до перемены! Потому что часы твои – солнечные! – снегом занесло-завалило. Нет, это не счастье, это – горе! Несправедливость какая-то! Так никуда не годится! Когда ты не можешь наблюдать своих часов!»

Гоше вспомнилось, как учительница Валентина Филипповна отобрала у него часы. часы. А что такого?! Он просто смотрел! Ведь имеет же он право! Имеет же он право знать, который час! И Толику сказать надо было. И Димону. Они ведь тоже имеют право знать! Как же он может им не сказать? Что ему – жалко, что ли? И Оленьке Малаховой он сказал. Хоть она и не в их ряду сидит, а в соседнем. Ну и что?! А Валентина Филипповна взяла и отобрала у Гоши часы. Снимай, говорит, Овсепян, и клади мне на стол! Ишь какая... Чуть

⁹ Счастливые часов не наблюдают. (А. С. Грибоедов «Горе от ума»)

что – сразу «Овсебян!» Овсебян-Овсебян... А Алтынбаев – смеялся! Тоже друг, называется! А ведь Гоша и ему говорил, сколько до перемены! Да не один раз! Нет! – нет в жизни (а особенно в школе!) ни счастья, ни справедливости. *Его*

И всё-таки жизнь прекрасна! Несмотря на то, что часы теперь Гоше в школу носить строго-настрога запретили – ну да это ничего: он себе новые сделает, солнечные, карманные. Ещё ни у кого не было солнечных – карманных! – часов. Главное – это незаметно и правильно (а для этого надо будет их с компасом объединить) установить конструкцию на подоконнике... между горшков с цветами (у Валентины Филипповны их завались, цветов этих, просто дикие джунгли!) – никто и не заметит.

Правда, сидит Гоша не у окна... и видеть их, часов своих солнечных карманных переносных, он не сможет... Ну да ничего! – он Санька попросит следить за временем. И регулярно говорить, сколько осталось до конца. И Валентина Филипповна ничего не поймёт! А даже если и заметит: начнёт проверять у Санька часы – а их – опа! – и нету. Часов-то. Обыкновенных, конечно, часов. А про солнечные она в жизни не догадается. Ну или того же Алтынбаева можно попросить покараулить часы – он тоже у окна сидит... Всё-таки друг ему Алтын или нет? Вот пусть и поможет по-дружески. А Гоша, так и быть, его простит, чего уж...

Да, всё-таки жизнь прекрасна! Несмотря даже на то, что в четверти (да и в году) Валентина Филипповна вывела Го-

ше... Вернее, ещё не вывела, а только грозилась... Значит, может быть, ещё и не выведет – ведь правда же?

Жизнь Гошина прекрасна, несмотря даже на то, что его пуделиха Луша записала паркет в прихожей, и теперь он вздулся пузырём, и мама расстроилась, и Гошу ругала и кричала ему: «А вот если я тебя на улицу выпускать не буду?!...» Но ведь выпускает же.

А ещё потому жизнь прекрасна, что Гоша отважился наконец пригласить Оленьку Малахову, которая так давно ему нравится – вот прямо с самого детского сада (но только, чур, об этом никому! – они ведь уже большие и переходят в пятый класс) – отважился пригласить погулять. Отважился. Вчера. Пригласил. Подошёл к ней на перемене вчера – и пригласил. Погулять сегодня. «Пойдёшь?» – спросил. Так прямо и сказал. Пойдём, говорит, в субботу гулять.

И самое главное и удивительное, что она, Оленька, согласилась. Согласилась! Он даже и не ожидал. Он опешил. Он... растерялся! Когда Оленька посмотрела на него своими ясными голубыми глазами и сказала – еле-еле слышно сказала: «Да, пойду...» И, кажется, даже улыбнулась. «Кажется» – потому что от смущения она тут же опустила глаза и даже голову опустила, так что Гоша увидел прямой пробор, на который были разделены светло-русые Оленькины волосы (всё-таки она была немного выше него). И даже, кажется, покраснела. «Кажется» – потому что и сам Гоша, кажется, тоже покраснел: ему вдруг стало жарко и всё немного качну-

лось куда-то и, кажется, даже поплыло... И он быстро сказал Оленьке что-то такое взросло-мужское... ну вроде «замётано» или «идёт!» и быстро отошёл. А то ещё вообразит себе невесть что.

И вот теперь он шёл к ней на встречу. Вернее, встречаться с ней. Чтобы гулять вместе. Подумать только!

Он представил себе Оленькины голубые глаза, нежно-пшеничный пробор...

Представил...

И снова всё покачнулось... и даже немного закружилось... словно кто-то невидимый крутанул весь этот золотисто-солнечный мир, точно золотое колёсико со стерженьком... Мир накренился, плавно поехал и закружился... и заплясали в Гошиных глазах золотые лучики-блики и гномы-гномы...

«Жизнь прекрасна...» – блаженно подумал Гоша и улыбнулся своим мыслям. Только об этом, чур, никому!

И о гномах тоже.

Ведь самое главное, конечно, это то, что он колёсико нашёл.

Ведь он же мужчина. А для мужчины – для настоящего! – что самое главное? Правильно: для настоящего мужчины самое главное – это дело. Дело его жизни. А для Гоши делом его жизни было всякое разное изобретательство и конструкторство. А вдруг он действительно что-нибудь такое изобретёт?! Или сконструирует. Или сначала изобре-

тёт, а потом сконструирует. Или начнёт конструировать... и вдруг неожиданно для себя изобретёт! Или не сам он изобретёт, а кто-нибудь другой. Да ту же самую машину времени! Ну к примеру. И всё с ней будет в порядке, с машиной этой, но работать она не будет. Ну почему-то. По непонятной совершенно причине. А тут приходит Гоша со своим колёсиком. Случайно совершенно приходит. И вдруг оказывается, что в машине не хватает одной детали. Одной всего! Но очень важной. И деталь эта – не что иное, как... Правильно, Гошино колёсико! И вот... колёсико устанавливают в машину... и она... Она начинает работать! И – всё! Всё! В школу больше ходить не надо! Понятно, почему! Потому что можно уехать на этой самой машине в любое совершенно время, где ни тебе школы, ни тебе Валентины Филипповны... Где одни только каникулы или выходные. А хочешь – можно вечное лето себе устроить – вечное-бесконечное, золотистое-золотое, голубое-небесное... Красота! Хочешь, в будущее махни, хочешь – в прошлое... А что? – может, гномы эти самые и правда существовали... и по сей день там водятся... В прошлом, разумеется. Гоша замечтался, представив себе, как он сядет в машину времени – он ведь будет иметь право! Кто же, как не он? – ведь у него же есть волшебное колёсико! Только теперь, оно, конечно, не его, а в машине времени установлено, а посему принадлежит всему человечеству – ведь Гоша бы его, конечно же, подарил! Человечеству. Совершенно безвозмездно. Ведь он же

мужчина! А мужчина должен быть щедрым. И благородным. И вот за это, за то, что он его, своё колёсико, так благородно и безвозмездно подарил, Гоша получил бы право бесплатных поездок по всему времени, по всей его бесконечной ленте взад-вперёд – сколько, куда и когда хочет! (Ну или просто «сколько и когда», ведь «куда» во времени – это то же самое, что и «когда», это одно и то же.) А что? Имеет право – ведь без него, без Гошиного необыкновенного колёсика, ничего бы не работало. Поэтому-то он и будет первым, кто уедет в иное, более лучшее, чем сейчас, время. Взяв с собой, конечно, Лушу, родителей, бабушку... ну и Оленьку. Оленьку тоже он, быть может, возьмёт с собой... он ещё подумает. А она согласится, конечно же. Ведь гулять – согласилась же.

Так что теперь это не просто колёсико – это теперь Гошин талисман. Счастливый. Вот. Кто знает, на что ещё оно способно? На что оно способно! А вдруг у него ещё масса никому неизвестных и совершенно неожиданных применений, и Гоша будет первым и единственным, кто их откроет?.. *вообще*

Дорога к Оленькиному дому шла через бульвар и старую школу. Через школьный двор и стадион. Бульвар был залит солнцем и шелестел зелёными берёзовыми косами... По краям стадиона колосились и зацветали луговые травы, над которыми порхали бабочки... Возле здания школы цвели вишни, в их ветвях чирикали-пели птицы, белые круглые лепестки время от времени нежно опадали на землю, отчего ас-

фальт под вишнями стал как будто в горошек и теперь походил на ситец, из которого сшит бабушкин летний халат... А бабушку свою Гоша любит, очень! – и летом он поедет к ней в деревню, и уж там-то он обязательно наизобретает себе всего – всего-всего, о чём только мечтается!.. От этих мыслей и от солнечных лучей, от птичьих песен и нежно-белого на асфальте «горошка» на душе у Гоши сделалось как-то совсем легко и беззаботно – он шёл, крутя в руках колёсико и весело насвистывая.

К Оленькиному подъезду он подошёл даже раньше назначенного им самим времени: «Это девочкам можно опаздывать, а настоящий мужчина должен всегда приходить вовремя», – подумал удовлетворённо.

Оленька ещё не вышла, конечно – ведь ещё очень рано! – и Гоша стоял у её подъезда абсолютно счастливый и совершенно довольный, покручивая замечательное солнечное колёсико и мечтая о том о сём. Он играл колёсиком, колёсико играло на солнце... Было так приятно чувствовать его в руках: тонкий и вместе с тем какой-то такой «тяжёленький», «весомый» металл, думал Гоша, «колюченькие» зубчики-«лучики», прочный стерженёк...

Вот уже стрелка Гошиных часов (на прогулку родители часы ему выдавали, прогулка – не школа) подошла к заветной цифре: скоро, скоро должна выйти Оленька...

Гоша даже заволновался немного!

И вдруг колёсико, наверное, почувствовав это Гошино

волнение – ведь это было колёсико! – выскользнуло из его рук и упало в кусты барбариса, в обилии росшего вокруг Оленькиного подъезда. *необыкновенное*

Ну да это не беда – Гоша вмиг его отыщет! Ему ли не отыскать?! Уж если он его в помойке углядел! Из мусора спас!

И он полез в кусты. Ринулся смело, не раздумывая и не разбирая дороги, как и подобает настоящему мужчине. Вот сейчас – сейчас-сейчас! – он найдёт своё колёсико. Ему ли не...

Из кустов, сплошь усыпанных душистыми золотисто-жёлтыми крестообразными цветочками, с недовольным мявом «вывалился» потревоженный Гошей серо-тигровый кот.

И вот уже Гоша в кустах. Ищет своё колёсико. Ищет. Ищет, ищет...

Ищет-ищет...

Не находится!

Да вот же оно! То есть не «вот же оно», а «вот только что оно было здесь!» И на тебе!

Нету! Как сквозь землю провалилось!.. Вот только что поблёскивало оно загадочным тусклым золотом в Гошиных руках...

Только что, описав в воздухе дугу, сверкнули его зубчики-«лучики»... И пожалуйста!

Да как же так?! Ведь не могло оно далеко укатиться! Ведь тут же трава везде и ветки – ведь за что-то же должно было оно зацепиться-притормозить?.. А скоро Оленька должна

выйти! А Гоша тут – на коленках ползает! Гоша опомнился, поднялся с коленок и продолжил свои поиски, передвигаясь уже на корточках. А колёсико всё не находилось. Необыкновенное и очень нужное Гоше колёсико.

Наконец... – ведь когда-нибудь это должно было произойти! – хлопнула дверь Оленькиного подъезда. И Оленька – с небесно-лучистыми глазами в окаймлении длинных ресниц, с приветной улыбкой на милом лице в обрамлении светло-русых, нежно-пшеничных, волос – показалась на пороге.

Она стояла на самой верхней ступеньке, вдыхая сладкий весенний (да почти уже летний!) воздух и щурясь на солнышко.

А Гоша в кустах цветущего барбариса искал необыкновенное и очень нужное ему колёсико.

Оленька постояла так – вдыхая и щурясь – некоторое время, а затем, всё так же улыбаясь, стала медленно, будто нехотя, будто играя, спускаться по ступенькам.

А Гоша продолжал искать своё замечательное и очень важное для него колёсико.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.